– Ч-что? О чем т-ты таком говоришь… – смутилась она подобной выходкой парня.

«Как я и думал, совсем девчонка… – хитрил Зоренфелл. – Впрочем, ничего необычного в этом нет, поскольку она долгое время провела в затворничестве и изредка, как мне кажется, ходила в «берлогу». Исходя из этого, можно предположить, что она такая же, как и все, только затаила обиду, а может даже протестует против чего-то…» – искал ответа парень.

Зоренфелл ничего не мог поделать с собой. Для него люди – объект познания, в особенности те персоны, которые выделяются среди других какими-либо необычностями, подобно Марии. Что их заставило пойти по этому пути? Чем они руководствуются? Ради чего они так поступают? – нескончаемый поток вопросов живет в разуме парня, побуждающий его продолжать изучать людей.

– О чем? О разборе домашней работы, чтобы ты смогла понять, где ошибки и как избежать их повторения, – преспокойно ответил Зоренфелл, чем поставил Марию в неловкое положение.

– Ну так прямо и говори, блин… Что за двусмысленность? – фыркнула она в ответ.

– Не стоит?

– Я такого не говорила! – повысила тон голоса Мария.

– Вот и хорошо! – улыбнулся Зоренфелл. – Приводи себя в порядок и спускайся вниз.

– Зачем? – изменившись в лице от переменчивости Зоренфелла, спросила она.

– Позавтракаем и с ясным умом займемся разбором полетов, – ответил юноша.

– Разве ты в школу не опоздаешь? – спросила вдруг Мария.

Подобного вопроса Зоренфелл точно не ожидал. Мария буквально открыла еще одну сторону себя – волнение за других, не думая о собственных проблемах.

– Тебе ли об этом волноваться? – бросив не многозначный ответ, Зоренфелл вышел из комнаты и пошагал в сторону кухни.

«Вот уж новость… – подумал он. – Теперь уж точно не понимаю, как такая, как она, заперла себя в четырех стенах и приговорила к заточению? Должна же быть причина…»

– Дядь Эрих, можно задать вопрос? – спустившись, обратился парень.

– Что такое? Марию разбудил?

– Ага, сейчас она умоется и спустится. Дело не в этом… Помните ли Вы после чего Мария закрылась в своей комнате? Что-то случилось, может, или…

– Не могу сказать наверняка, если честно, день был таким же, как и другие. Просто вернулась домой без лица и включила музыку на полную, взяв, кстати, мои старые диски. Как бы я не пытался достучаться до неё, мне она ничего не рассказывает, не видя, наверное, в этом смысла и считая, что я её не пойму.

– Понял, значит началось все это не дома…

– Ты что-то нарыл? – приободрился Эрих.

«Думаю, он имеет право знать все больше, чем кто-либо другой…» – подумал Зоренфелл, прежде чем отвечать.

– Ваша дочь, она не изменилась.

– В смысле? – фраза парня ввела отца в ступор. – Мария была другой, – твердо произнес он.

– Не знаю, какой она была раньше, ибо с ней учиться мне не случилось, но я уверен в том, что она не изменилась. Она не такая, какой себя строит. Пока я не могу сказать ничего точно, мне нужно получше в этом разобраться.

На лице Эриха читалась надежда в перемешку с счастьем. Он не знал, как реагировать на это высказывание, но Эрих искренне поверил словам парня и захотел передать свою надежду в руки Зоренфелла, понимая, что он точно сможет докопаться до правды и вернуть ему дочку:

– Надеюсь на тебя… Узнай, почему она захотела измениться…

– Само собой, – кратко ответил он, заслышав шаги по лестнице.

– Доброе утро! – поприветствовал её Эрих.

– Хай… – скромно поприветствовала она.

«Стесняется такой компании?» – удивился Зоренфелл, не подавая вида.

– Редко ты встаешь так рано, – невзначай сказал отец. – Ну, присаживайся, сделал твой любимый утренний омлет.

– Какой он, блин, любимый? – возмутилась она. – Обыкновенный.

Стало заметно, что подобный ответ ввел Эриха в ступор. Судя по такой реакции, Зоренфелл предположил, что раньше подобного не вылетало из уст девчонки. Однако, придавать этому особое значение парень не хотел, поэтому решил прервать неловкую паузу.

– Приятного аппетита! – сказал он и принялся уплетать поставленный завтрак.

Его примеру последовали и другие домочадцы. Единственной проблемой стала тишина. Почему? Вроде бы и правильно, «когда я ем – я глух и нем», но ситуация немного отличалась, этому правилу нет здесь места, как считал Зоренфелл. В его представлении за утренним совместным завтраком Эрих мог понаблюдать за беседой отца с дочерью, дабы узнать что-нибудь новое, однако в подобном абсолютном спокойствии можно понять лишь то, что у этих двоих совершенно нет тем для разговора.

У Эриха работа, у девчонки рок один на уме. Казалось бы, почему они не могут найти общий язык? Как никак они одной крови, да и вкусы схожи. То ли они себя так странно ведут, то ли сам Зоренфелл стал помехой, ведь он, ка бы, лишний в этой компании.

Парень и в самом деле хотел завести какой-нибудь разговор, но пока он подбирал подходящую тему, Мария все быстро схомячила, утащила чашку в раковину, не сказав и слова, и поднялась обратно к себе в комнату. Подобный жест Зоренфелл совсем не оценил.

– Как давно вы разговаривали? – поинтересовался юноша.

– Да не о чем особо разговаривать… – предсказуемо ответил Эрих, тоскливо пережевывая пищу. – Мы и едим по отдельности, сегодня, видимо, случай особый. Как бы я не пытался с ней сблизиться, как раньше, но ни черта не получается, будто между нами стена.

– Но почему? У вас есть музыка, поговорите об этом. Попробуйте изучить современную школу, если не знаете, какую сейчас она слушает группу. «Похитители Будущего», например.

– Ты тоже слушаешь?

– Нет, да и не в этом дело. Сказать по правде, приняла она меня лишь потому, что я предстал перед ней, как новичок в роке – от этого и завязался разговор. Попробуйте сделать то же самое и идите от одной темы к другой, тогда язык её развяжется и вам обоим станет попроще.

– Понял к чему ты клонишь… Я в делах таких дуб дубом, спасибо, что помогаешь.

«В таких делах? – задумался Зоренфелл. – Получается, всем занималась мама Марии? По всей видимости, они оба раскисли после того, как она ушла… Мария ушла в себя, хотя возможно дело в другом, а Эрих не может подобрать способа взаимодействия с собственной дочкой. Вот

тебе и патовая ситуация…»

– Да не за что.

– Твои родители, наверное, беспокоятся от того, что ты так рано ушел.

– Не совсем, – пробормотал юноша, – я один живу.

– Погоди, как это? – искренне удивился Эрих.

– Мама лежит в больнице с тяжелой болезнью в другом городе, а отец там же, работает не покладая рук.

– Но почему они тебя оставили совсем одного? – обеспокоенно произнес он.

– Да нормально все, я вполне самостоятелен: приготовить, постирать, погладить могу, а большего и не нужно. Этот город много значит для моих родителей, и они желают вернуться сюда как можно скорее, потому так и вышло. Также они не хотели, чтобы я снова менял школу…

– Вот, значит, как… – озадачился чем-то Эрих. – Ты уже менял школы?

– Да, были на то причины. Родители хотели избежать повторения истории, когда мне пришлось бы снова расставаться со старыми друзьями и заводить новых, не понятно насколько долго.

– Заботливые у тебя родители.

– Ага, хотел бы я им помочь…

– Ну, Зоренфелл, бывают моменты, когда невозможно чем-либо помочь... Это трудно, по себе знаю, но нужно терпеть и верить. Но не забывай про внимание и заботу – это всегда приятно.

– Не забуду, – кивнул парень.

«Тут он верно подметил… – заговорил Зоренфелл со своей душой. – Как бы я не пытался что-то сделать ради мамы, но от меня ничегошеньки не зависит… Чтоб этих врачей некомпетентных! От мамы зависит, излечится болезнь или нет? Бредятина…»

С помощью своей способности Зоренфелл пробовал оказать всевозможную поддержку своей матери. Он считал, что нужны деньги для операции, но, как оказалось, операция бесплатна, но малоэффективна. Врачи же говорили, что действенного метода нет и они пытаются найти

решение проблемы, а пока единственное, что в их силах, так это поддержание её в стабильном состоянии.

Вышло так, что даже большой город не в силах помочь матери Зоренфелла, отчего ему самому порой становится больно. Иногда он думает о том, что чувствует его отец, находясь так близко к ней и также не имея возможности сделать что-то, кроме посещений и подарков, ради мамы…

– Надеюсь у вашей семьи все наладится как можно скорее. Твои родители хорошие люди, раз воспитали такого мужчину, – говорил на чистоту Эрих.

– Спасибо Вам, – кивнул он.

– Пора уже на работу уходить… – глянув на время, Эрих взял свою чашку, поставил в раковину и залил водой, после чего направился к выходу. – Не опоздай в школу, – сказал он напоследок.

– Всего хорошего! – попрощался Зоренфелл.

«Так-с… Теперь помоем посудку и пойдем браться за ум!» – мысленно себя подбодрил парень.

На звук моющейся посуды выползла из своей комнаты Мария и, сев на ступеньки, обратилась к парню:

– Зачем ты моешь посуду?

– А ты бы помыла, Мария?

– Нет, – равнодушно ответила она.

– Ну вот. Я не могу оставить беспорядок, да и должен отплатить твоему отцу за гостеприимство.

– Какой-то ты шибко правильный… Даже немного раздражает.

– Думаешь? На самом-то деле во мне хорошего совсем не много.

– Да тебя, наверное, вниманием с головы до ног обваливают…

– Ха, если бы… – усмехнулся Зоренфелл.

– А в чем дело?

– Ходила бы в школу, то узнала бы какой я, по мнению людей. Впрочем, это не так важно.

– Что ты заладил с этой школой? Я туда не вернусь, она мне нафиг не сдалась.

– Именно поэтому ты решила сделать домашнюю работу? – атаковал Зоренфелл.

– Я сделала это потому, что ты попросил.

– Значит, если я попрошу тебя хоть разок сходить в школу, то ты пойдешь?

– Нет, – упорствовала Мария.

– Чего и следовало ожидать. Не совсем я тебя понимаю, если честно, но хочу стать для тебя хорошим другом.

– Зачем?

– Глупый вопрос. Для дружбы нет причин, – непринужденно ответил Зоренфелл.

Для Марии этот ответ имел поучительный вес, из-за чего она погрузилась в недолгие раздумья и размышления на счет того, какой Зоренфелл человек. В её глазах он стал каким-то воплощением идеального парня: внимательный, заботливый, умный, внешностью неплох, да и просто хорошо к ней относится, несмотря на её попытки вызвать негативную реакцию. Вдобавок к этому он разговаривает с неё искренно, считает своим другом. Марии было очень приятно слышать такие слова и чувствовать, что она не одинока.

Однако выверенный образ не всегда совпадает с тем, какой оригинал на самом деле. Поэтому Зоренфелл и избегает подробных рассказов о себе, дабы ненароком не испортить налаженные с Марией отношения.

– Не расскажешь, почему ты перестала ходить в школу? – спросил вдруг парень.

– Ну… – замялась она.

http://tl.rulate.ru/book/26606/553299